

УДК 911.375.227:312.921

© Мариям Арпентьева

профессор кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского (Россия), доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕ)

© Mariam Arpentieva

*Professor of the Development and education psychology dept. of the Tsiolkovskiy Kaluga Sate University, Doctor of psychological Sciences, Associate Professor, corresponding member of the Russian academy of natural sciences (RANS)
e-mail: mariam_rav@mail.ru*

ЭТНОПСИХОЛОГИЯ И УРБАНИЗАЦИЯ

Современные модели мультикультурных отношений людей в городской среде становятся все более сложными и запутанными. Это во многом связано с тем, что со временем результаты и процессы урбанизации становятся все более неоднозначными, многонаправленными, многоуровневыми и многоаспектными. Необходимость упорядочивания огромного количества понятий, теорий и подходов все более очевидна. Современные исследователи, работающие в сфере межкультурных отношений («коммуникаций»), активно выстраивают интегративные модели и метамоделю оптимизации взаимоотношений сообществ и людей разных этнических, национальных, религиозных и других групп. Необходимость таких моделей и метамоделей связана с тем, что современный век — век мультикультурных сообществ, активнейших миграций и возрождения кочевого образа жизни в целом.

Исследователи геурбанистики (Ю. Г. Саушкин) современности со второй половины XX века отмечают интенсивный рост городов-гигантов, а также предполагают, что при сохранении наличных тенденций уже к 2025 году 57 % жителей Земли будут жить в городах. К началу XXI века на Земле существовало 372 агломерации-миллионера (против 16 к началу XX века), наиболее крупные из которых (Токио, Нью-Йорк, Мехико и т. д.) по числу жителей и потенциалу развития были сравнимы со странами среднего размера, а мегалополисы (такие как Токайдо в Японии или урбанизированный северо-восток побережья США) — с крупными государствами. Сейчас также говорят о том, что в США, Японии,

Германии, Южной Кореи, ряде иных государств формируются города постиндустриального типа социума, сталкивающиеся с сообществами и нормами сообществ аграрного и индустриального типа (что происходит в форме локальных «столкновений цивилизаций» типа городских бунтов в европейских столицах в первое десятилетие XXI века и т. д.). Исследования процессов формирования и трансформирования «урбанистической цивилизации» мы встречаем в трудах Д. Харви, М. Кастельса, С. Сассен, К. Маркса, Ф. Энгельса, Э. Дюркгейма, Ф. Тенниса, Г. Зиммеля, М. Вебера, Р. Парка, Э. Берджесса, Л. Вирта, Л. Мамфорда, Ф. Ницше, Л. Рескина, Дж. Мартина, Дж. Оруэлла, Е. Замятина, Р. Брэдбери, Р. Шекли, И. М. Маергойза, Н. Н. Баранского, И. А. Витвера, О. А. Константинова, Г. А. Аграната, К. И. Арсеньева, И. Коля, О. Шлютера, А. Геттнера, К. Гассерта, В. П. Семенова-Тян-Шанского, Э. Вебера, П. Геддеа, А. С. Ахизера, Э. С. Демиденко, Н. Ф. Дмитриевской, Л. Б. Когана, Г. Ф. Куцева, С. В. Матяша, В. И. Пароля, В. И. Переведенцева, Э. В. Сайко, В. М. Андреевой, В. М. Гохмана, В. П. Ковалевского и М. Е. Половицкой, В. В. Трушкова, И. В. Бестужева-Лады, О. Н. Яницкого, Г. М. Лаппо, Ю. Г. Маркова, С. А. Власова, П. М. Полян, Ю. Л. Пивоварова, А. С. Сенявского, Е. М. Шепелева, С. А. Арутюнова, В. М. Каирова, В. М. Капчели, Э. С. Маркаряна, Э. Л. Мелконяна, А. А. Плахова, И. В. Суханова, А. К. Уледова и др. Наряду с чисто количественным ростом городов, темпов и форм урбанизации, наступает время формирования множественных по составу, структуре, развитию и переструктуризации мультикультурных сообществ. Этнические вопросы урбанизации обсуждаются в трудах Е. Берджесса, Л. Вирта, С. Либерзона, М. Мида, Р. Парка, Р. Радфильда, У. Уайта, В. А. Аврорина, М. Н. Губогло, Ю. Д. Дешериева, М. М. Михайлова, М. В. Дьячкова, Ю. В. Арутюняна, А. О. Бороноева, Ю. В. Бромлея, Л. М. Дробижевой, М. Э. Когана, В. И. Козлова, В. И. Пароля, В. В. Покшишевского, С. С. Савоскула, А. А. Сусоколова, Р. Р. Галлямова, М. Д. Кикбаева, Ф. С. Файзулин и др. При этом продолжают процессы не только ассимиляции и интеграции наций и групп, переписывания истории и, соответственно, будущего народов, но и более или менее направленного возникновения и исчезновения новых наций и этносов (примером являются, в частности, многие народности и субэтноты России, включая славянские и иные «окраинные» народы). В России сохраняет свою актуальность политика создания и поддержания противовесов «тюркско-татарскому» и «руссинскому» компонентам социальной и персональной идентичности людей.

На разных этапах развития свободолюбие жестоко подавлялось, людей целенаправленно и системно, на уровне государства, а не только част-

ного капитала, как в Америке, подвергали заражению смертельно опасными болезнями, спаиванию, «скрещиванию», христианизации и вводили принцип «разделяй и властвуй» и т. д. Так, захваченными и превращенными в крепостных белорусами (Великим княжеством Литовским) правили поляки, казаки как этническая группа была трансформирована в группу сословную, «привилегированную» охранять государство, формировались группы племенной буржуазии, противостоящей иным членам этноса, жители Крыма и иных селений неоднократно подвергались массовой, тотальной депортации, горцы разных народностей и культуры насильственно объединялись в вымышленные «этнические группы», жителям Севера и Сибири раздавали зараженные болезнями продукты питания и предметы обихода, следы татарских ханств, отображающие удивительные даже сегодня достижения татарской культуры, на территории Сибири подвергались тотальному уничтожению и т. д. Реформы XIX века, включая тюремные реформы, вопреки пожеланиям их разработчиков, были незавершенными и использовались для замены крепостного права на право уголовного и политического рабства. Были обновлены и построены новые тюрьмы и лагеря, усовершенствованы системы управления заключенными в них. Также был полностью устранен доступ попечительских и благотворительных сообществ к помощи страдающим на каторгах, в тюрьмах и на принудительных поселениях. СССР довел издевательства над людьми до состояния, превосходящего страдания каторжан царской России во много раз. Первые аналогичные европейским и африканским концлагерям лагеря в России созданы в 1918–1919 годах во время Гражданской войны, сначала Великобританией — интервентами Антанты, и белогвардейцами — для «нежелательных элементов» (Архангельский, или Мудьюгский, лагерь и лагерь в бухте Йоканьга Кольского полуострова), американцами из экспедиции «Полярный медведь», занятыми идеями об отделении Сибири и создании Сибирской республики, которые ввели оккупационный режим на Севере страны (на Мурманском побережье), и по всей стране — большевиками — по приказу Л. Троцкого в бывших монастырях (СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения), Волголаг, Котласлаг и др.). Антанта стремилась разделить Россию примерно на пять частей: Финляндию, Балтийские провинции, Европейскую Россию, Сибирь и Украину. Большевики же хотели сохранить тотальный контроль. Антанта проводила политику «дойной коровы» — север России был полностью опустошен, произошло полное ограбление края интервентами, по решению военно-полевых судов практиковались массовые расстрелы и т. д., отмечалось массовое бегство крестьян в партизанские

отряды. Через лагеря Антанты прошли несколько десятков тысяч человек.

Специфика концлагеря как формы заключения (в отличие от тюрьмы, поселения и т. д.) — это помещение в него людей без судебного решения и, соответственно, без определенной даты и условий освобождения. В рамках карательных мер большевиков против «классовых врагов» (кулаков, попов, белогвардейцев и др.) в «лагеря принудительных работ», созданные на базе лагерей с Первой мировой войны, освободившиеся после обмена военнопленными, размещали участников мятежей в Сибири, Поволжье, на Урале и Дальнем Востоке, жертв красного террора и лиц, обвинявшихся в контрреволюционной деятельности (Мценский лагерь военнопленных, Елецкий лагерь, Орловский концлагерь, концлагерь в Херсонесском монастыре, Холмогорский концлагерь, концлагерь в Андрониковом монастыре, Новоспасском, Ивановском монастырях Москвы, лагеря в Нижнем Новгороде и Рязани и т. д.). А в современной России, иных странах СНГ, сохранивших часть тюрем, каторжных поселений и концентрационных лагерей (системы «ГУЛАГ») сталинских времен, тюремное заключение часто становится приговором пожизненного рабства для человека и членов его семьи: виновные и невинные ставятся в условия выкачивания жизненных ресурсов, отсутствия реальной правовой, медицинской помощи, часто — невозможности соблюдать требования вероисповедания и т. д. Всего в Европе к концу Первой Мировой находилось в лагерях несколько миллионов людей, особенно тяжело было россиянам, защита которых не интересовала страну, вплоть до Брестского мира и образования «цетропленбежа» для помощи им.

Аналогичная политика в США была ориентирована на вытеснение коренного населения — индейцев и рабов (этносов негроидной расы и представителей иных этносов и субэтносов и т. д.) («вестернизация» и «глобализация»). В США и Америке, которыми восхищался А. Гитлер, заимствовав идеи создания концентрационных лагерей и целесообразности геноцида, долгое время практиковалась и до сих пор сохраняется политика этнических чисток и «цивилизаторства» в отношении «дикого» индигенного населения, что сократило население Америки доколумбовой эпохи на нескольких десятках миллионов. Она продолжается, хотя и в меньших масштабах, в форме «законных», лишаящих людей их племенных и личных прав политик «земельного обмена» и переселения индейцев (в виде «Дороги слез» и т. д.), стремившихся сохранить племенное самоуправление, а также применения «доктрины открытия» (вытеснения коренного народа «первооткрывателями» земель), в рамках которой

индейцы становились всего лишь арендаторами и подвергались разным видам насилия (геноцида) и дискриминации, в том числе за отказ жить и работать в неволе (на плантациях и т. д.), их переселяли в резервации, со временем превратившиеся из свободных территорий в концентрационные лагеря. Голодомор, безделье и алкоголизация уничтожали национальную идентичность и сознание людей, а также языковые наречия и самобытную культуру. Людей уничтожали голодом и иными страданиями путем навязывания борьбы в условиях неравенства сил, в том числе провоцировали войны (крикские войны, война Черного Ястреба и т. д.). Хотя «этническая открытость» разных групп индейцев была разной, в целом они с готовностью принимали и «белых», и «черных». В качестве первых рабов или «законтрактованных работников» (до полумиллиона-миллиона людей) выступали «белые» из Европы, в частности, до 70 % от общего числа населения городов в XVII веке — ирландцы. Но их было все же мало, их целенаправленно «размножали», в том числе путем «скрещивания» с неграми для получения более дорогостоящего потомства рабов. Но в целом, благодаря лобби работорговческих фирм, был налажен ввоз негров. Миссионеры сменили идеи равенства на доктрину грехов: людям рассказывали об особом проклятии чернокожих, обрекавшем их «трудиться на краснокожих и белых; так было, и так будет». Индейцев раскалывали на «знать» и «чернь», «прогрессистов» и «консерваторов» и т. д., людям раздавали зараженные болезнями продукты питания и предметы обихода, организовывали «сопровождения» депортируемых с целью уничтожения населения в пути к местам нового жительства. Некоторые индейцы боролись, среди них были и аболиционисты, среди индейцев поселялись беглые и освобожденные рабы-негры (от 10 % до 25 % населения). Но были, как отмечалось выше, и рабовладельцы — члены масонского «особого института», созданного для защиты рабства и борьбы с аболиционизмом. Потомки некоторых из них до сих пор считают «черных» менее достойными, чем они сами. Ввоз нескольких десятков миллионов негров-рабов из Африки и период работорговли длился три с половиной столетия. В XVIII–XIX веках миллионы переселенцев из Европы приехали в Америку, лишь немногие из них создавали браки (благодаря которым сейчас Америку называют «симбиозом культур»): население Америки является местами коренным, местами смешанным, а местами — исключительно состоящим из потомков европейских иммигрантов. При этом смешивались и образы жизни, вплоть до того, что среди индейцев выделилась племенная буржуазия, благодаря их стремлению стать равными с «белыми» и программам «христианизации

и просвещения», встречались даже рабовладельцы, которые в Гражданской войне выступили как союзники Конфедерации южных штатов, а позднее и в настоящее время занимаются игорным и иными видами «бизнеса». В целом, индейское сопротивление Америки (без учета Мексики) длилось 370 лет, а с Мексикой — еще больше: последней датой «индейских войн» стал конец XIX века. И в Америке, и в России людей стремились привести к некому общему — рабскому — знаменателю, который правительства Британии, Испании, Российской империи и их преемники, включая автономные государства типа США, усиленно формировали в течение многих веков. В Америке этот процесс связан с «открытием» и колонизацией американских материков и превращением в изгоев и рабов их населения и населения Африки. В Европе — с традициями рабовладельческого феодально-крепостного и унаследовавшего их ориентира капиталистического общества. В России этот процесс активизировался начиная со времен Ивана III и Ивана IV.

Многие из этих процессов до сих пор не признаны. Так, колонизаторская политика в форме насильственного и обманного «перемещения индейцев» и геноцида, как показывают работы У. Джекобса [1, с. 219], до сих пор не признается многими учеными США, Франции, Испании и Великобритании (что иллюстрирует теория «подвижной границы» Ф. Д. Тернера и иные концепции, выгодные колонизаторам): результатом колонизации стало «нарушение экологической системы» огромного континента, его коренное население подверглось «безжалостной эксплуатации», а отношение к нему характеризовалось «всепроникающим расизмом», аналогичным расистскому отношению к чернокожим людям, отрицающим роль и индейцев, и негров в становлении и развитии Америки, ее выживании, развитии и мирном урегулировании конфликтов, а также отрицающим факты незаконного грабежа, насилия, обмана, спаивания и т. д.

Прототипом английских концлагерей в Африке и по всему миру были лагеря в нынешнем штате Нью-Мехико, где армия США собирала индейцев до образования резерваций. Палаточные «лагеря концентрации» (45 для белых и 64 для чернокожих) называли Refugee (местами спасения). Они дополняли тактику «выжженной земли». Благодаря Э. Хобхаусу и М. Фоссет, было обнародовано варварское отношение к заключенным, которое частично удалось приостановить. Однако вымерших и уничтоженных бурской войной и концлагерями жителей Трансвааля и Оранжевого Государства пришлось позже восполнять массовой миграцией из Китая. В Европе на рубеже XIX–XX века Австро-Венгрия стала

союзником Германии против России и, опасаясь сопротивления на своей территории, антиавстрийского и пророссийского восстания в результате войны с Россией, начала, особенно в Галиции (Галичине), политические репрессии и сопутствующую борьбу против русинского населения, которое исповедовало православие и симпатизировало России, создавая прежде несуществующую общность — «украинство». Ранее концентрационные лагеря создавались европейскими державами только в африканских колониях: первые концентрационные лагеря создала Британия в Южной Африке во время англо-бурской войны конца XIX — начала XX века, а также Германия в Намибии для размещения членов повстанческого движения народов гереро и готтентотов. Но во время Первой мировой войны, концлагеря возникли и в предгорьях Альп (Талергольф и др.), в Литомержице в Чехии (Терезин): уже по отношению к белому европейскому населению. Эти «лагеря смерти» для русинской интеллигенции как лиц «неправильной» национальной и религиозной принадлежности из Галиции и Закарпатья даже превосходили по жестокости лагеря нацистов Второй мировой войны, в них царили голодомор, заразные болезни, насилие, издевательства и убийства и т. д. Талергольф был разрушен в 1936 году, а вот Терезин преобразован нацистами во время Второй мировой войны в Терезиенштадт для содержания еврейской интеллигенции.

В эти повторяющиеся с упорной последовательностью и однообразием процессы входили: централизация власти, иерархизация, лишение национальной и человеческой автономии за счет разрушения местных автономий и внедрения отношений крепостничества, рабства, нищеты, войн, пьянства, в разной мере насильственная русификация (и христианизация), ограбление / заселение чужих земель государством и бизнесом (насильственный захват, в том числе в результате декретов, деклараций, законов, «самозастрой / самозахват» и т. п.), переселение / депортация народов, подмена реальной занятости массовым «инвалидством», прямые акции геноцида и культууроцида (пожилых людей и сельских жителей, интеллигенции и национальной элиты как основных носителей культуры), нормализация коррупции, снижающей качество жизни населения и ограничивающей возможность достойного заработка, достойного культурного развития и образования, медицинской и правоохранительной защиты, блокирование программ деурбанизации олигархическими силами, наживающимися на городском строительстве, исторические фальсификации и предотвращение возможности восстановления исторической справедливости и обращения к своим корням, традициям и т. д. Урбанизация в целом способствует активному и многостороннему, многоуровневому

межэтническому взаимодействию, формированию и развитию полиэтнической городской среды, а также нивелировке этнических особенностей взаимодействующих групп, перестройке этносоциальных структур, сложившихся национальных традиций построения отношений и укладов жизни, традиционных социокультурных ценностей и шаблонов поведения и взаимодействия людей друг с другом, усложнению и потере прозрачности социальных отношений, массовому развитию в этнической общности двуязычия / многоязычия и усилению языковой ассимиляции городского населения, ослаблению степени религиозности и этнических предпочтений в этнокультурных ориентациях, росту нуклеаризации семьи, снижению детности и ослаблению традиционных родственных отношений.

В последнее время к этим процессам присоединились «общемировые» процессы «глобализации» и «вестернизации»: формирование невежественного, несамостоятельного, неспособного к рефлексии и протесту социального слоя, призванного как можно быстрее и полнее множеством прямых и косвенных способов («работа», потребление лекарств, наркотиков, продуктов питания и т. д.) отработать имеющийся «жизненный ресурс» и быть утилизированным наиболее экономным и выгодным способом. На этом пути также поощряются межнациональные браки, фактически «обрекающие» потомков вступивших в брак на космополитизм («глобализм»).

Современные модели мультикультурных отношений людей в городской среде становятся все более сложными и запутанными. Это во многом связано с тем, что со временем результаты и процессы урбанизации становятся все более неоднозначными, многонаправленными, многоуровневыми и многоаспектными. Исследователи полагают, что современная конфигурация территориальной и поселенческой структуры общества является результатом действия центробежных и центростремительных тенденций расселения человечества. По мнению Е. В. Соловьева, «на ранних этапах истории преобладали центробежные силы, породившие такие масштабные исторические процессы, как Великое переселение народов, эпоху великих географических открытий и ее последствия, массовое заселение и освоение Сибири и Крайнего Севера, освоение Дикого Запада и множество других». Однако после периода интенсивной урбанизации человечество перешло к центростремительным процессам. Далее, вновь «человечество, рассеянное по необозримым более или менее пригодным для жизни пространствам, начинает вновь концентрироваться в отдельных крупных населенных пунктах». В итоге на периферии остается относительное меньшинство населения, большинство же

людей концентрируется в городах [2, с. 74]. Поэтому урбанизацию можно рассматривать «как процесс, способствующий интеграции народов в самых разных социальных сферах, взаимообогащению контактирующих сторон» [2, с. 74–75]. Вместе с тем происходит перераспределение самого городского населения или субурбанизация: территориальное перераспределение его происходит как рассредоточение вокруг городского ядра с образованием ряда концентрических колец (торгово-административный центр (city), традиционный центр города, состоящий преимущественно из устаревшего жилья (трущобы), новые («спальные») районы для «среднего класса» и дорогостоящие и максимально комфортабельные пригородные поселки и т. д.): «Мегаполисы и их агломерации начинают сливаться, образуя гигантские сплошь заселенные регионы, включающие в себя как “классические” городские, так и “классические” сельские населенные пункты». Примерами являются Босваш в США, Токайдо в Японии и т. д. [2, с. 76]. В городах также наблюдается образование трущобных районов, происходит «трущобная» или же «ложная урбанизация», растет отчуждение городских жителей как «совокупности непохожих», обезличенных, не связанных индивидов.

К этой проблеме присоединяются также проблемы массового запустения сельских и городских поселений от малого до огромного размера в результате этнических, религиозных, экономических, медицинских (например, эпидемии СПИДа и иных социально опасных заболеваний) и общесоциальных, природных и техногенных катастроф, войн и терактов, а также в результате катастроф, связанных с нарушениями экологии в процессе деятельности человека. Современные исследователи, работающие в сфере межкультурных отношений («коммуникаций»), активно выстраивают интегративные модели и метамоделю оптимизации взаимоотношений сообществ и людей разных этнических, национальных, религиозных и т. д. групп. Необходимость таких моделей и мета-моделей связана с тем, что современный век (age of mobility, world restructurization, globalization, ethnical and nomadical renaissances, evolution, co-evolution and involution) — век интеграции и дезинтеграции, глобализации и этнического реванша, повышенной мобильности, эволюционных переворотов и противостояний, а также реакционных, дисгенических и инволюционных деформаций, век отрицающих границы цифрового и традиционного номадизма и век жестоких сражений стран и народов за постоянство границ.

Исследователи выделяют два основных понимания урбанизации. Первое — пространственная парадигма (M. Yeates, B. Garner, L. King,

R. Golledge) — трактовка урбанизации как роста городов и городского населения, повышения его доли в регионе, области, стране. Однако в урбанизированных странах (в том числе во множестве европейских стран, США, Канаде, Японии) практически вся масса населения так или иначе находится в сфере воздействий города, городской культуры, ее ценностных ориентаций и способов организации жизни и т. д. При этом урбанизация осуществляется не только вширь (вовлечение новых районов и слоев населения), сколько вглубь — по пути внутренней дифференциации. Но есть и множество развивающихся стран, где в результате демографического взрыва и миграции сельского населения в города население последних быстро увеличивается. Поэтому популярна вторая — феноменологическая, экзистенциальная парадигма — качественное истолкование урбанизации как эволюции форм и типов городского расселения, многогранного, многоуровневого и многонаправленного социального процесса и результата изменений форм расселения, соотношения иммиграции и эмиграции, трансформации социальных структур, образов жизни и норм поведения, типа культуры и ценностей и т. п., возникновения урбанизированной культуры, существенно трансформирующей этническую культуру, и т. д. Примером является новое понятие «урбанизация села», под которым подразумевают процесс приобщения сельского населения к городскому образу жизни, городским формам поведения, ценностям, ментальности (процессы и результаты концентрации сельскохозяйственно-го производства, ослабления сельско-общинного социального контроля и традиционных норм поведения, появление новых форм и элементов в этнической культуре в результате возвращений соотечественников, специализации отдельных регионов, формирование сельских агломераций, самоликвидация малых деревушек и деревень, образование каналов миграции, в том числе отток трудовых ресурсов из сельской местности, переселение жителей малых и неудобно расположенных деревень и поселков в центральные поселки совхозов / колхозов, преобразование части сельских поселений в городские или слияние с ними в ходе территориального развития, приводящие к разрушению традиционного сельского образа жизни, интеграции в культуру этноса компонентов «общемировой» индустриально-городской культуры в ходе модернизации своей культуры и присвоения инонациональных культурных фрагментов, строительства новых индустриальных центров, и т. д.). Также выделяют «бихевиористский» (поведенческий) и «гуманистический» подходы в геоурбанистике. Первый исследует пространственное поведение людей с помощью методов количественного анализа. Он изучает процессы и результаты

расселения, миграций, трудовых и культурно-бытовых поездок и т. д. в рамках пространственной парадигмы. Второй исследует взаимоотношения и взаимодействия человека и создаваемой людьми среды обитания, осознание им этой среды («чувство места»), психологический смысл для человека городской среды, механизмы принятия людьми и группами решений в пространственном и временном аспектах, построение и использование «ментальных карт» города и т. д. Есть и третья — радикалистская — парадигма, представленная работами В. Бунге, Д. Харвея, Р. Пита, Р. Джонстона, Л. Бэурна и др. (D. Harvey, R. Palm, P. Knox, M. Yeates, др.), отмечающая тенденции нарастающей фрагментарности социальной структуры городского населения, его образа жизни, структуры расселения и отношений. Конечно, наиболее заметны эти процессы в исследовании городов «надагломерационного» уровня сложности: как отмечает Ж. Готтман, автор концепции мегалополиса, это города с населением более 25 млн человек. Интересен также четвертый — цивилизационный — подход в работах Ж. Абу-Лугход, Я. Буурсинка, Дж. Адамса, О. К. Кудрявцева, Л. И. Бонифатьевой и В. М. Харитоновой и других, рассматривающий механизмы и процессы развития, функциональные типы городов и т. д.: разные по типам, историческим этапам и функционированию города многих «цивилизованных» регионов, в том числе Европы, выступают центрами исторически и географически очерченных общностей людей. При этом нельзя сводить урбанизацию к фронтальной унификации и нарастанию «вестернизации». Города имеют различия: типы территориальной, временной и урбанистической структур, господствующий в стране генетический тип агломерации, особенности социальной территориально-временной структуры города и экологическое состояние урбанизированной среды.

На пороге (хотя можно говорить и о начале) третьей мировой войны страны и сообщества все еще ищут или имитируют поиск ненасильственных и / или максимально неразрушительных способов выживания, налаживания и развития взаимоотношений людей друг с другом и с миром природы, особенно актуальных для городских сред, в которых скученность, разнообразие и противоречивость людей и их отношений выражены максимально. К вариантам поиска путей решения конфликтов, восполнения пробелов и сохранения продуктивных отношений между людьми в городских и иных сообществах относится и «мягкая сила» (soft power) миграций [3], и многочисленные мультикультурные программы и проекты со столь разными названиями, что неспециалисту порой даже трудно представить, насколько богата феноменология современной

теории и практики мультикультурных отношений («коммуникаций»). Программы мультикультурного типа и миграционные процессы с середины и, особенно, с конца XX века набирают интенсивность и разнообразие, вместе с ними умножаются и теории мультикультурных сообществ, типов культурных обменов / заимствований и типов миграций. Современные модели мультикультурных отношений становятся все более сложными и запутанными. Необходимость упорядочивания огромного количества понятий, теорий и подходов сейчас очевидна. Применяя модель развития межкультурной чувствительности (Developmental Model of Intercultural Sensitivity; DMIS) к формированию не межличностных, а межнациональных межкультурных компетенций, можно описать процессы и результаты поступательного и «возвратного» освоения одной культурой ценностей моделей поведения, языка и представлений, бытующих в рамках другой культуры [4]. Согласно М. Беннетту, освоение чужой культуры проходит ряд стадий. Первоначально существование или значимость культурных различий обычно не осознается индивидуальным или групповым субъектом [4]. Затем начинает увеличиваться межкультурная чувствительность, а культура другого этноса, группы начинает осмысливаться как один из возможных взглядов на мир. С ростом чувствительности субъект полностью осознает и признает существование культурных отличий. Он начинает рассматривать их как компонент собственной идентичности. В итоге возникает новая личность или новая группа, новая культура: сознательно и избирательно интегрирующая в себе элементы различных культур [4]. Одна из ранних моделей межкультурных отношений — модель культурной диффузии: антропогеографическая школа Ф. Ратцеля, школа «культурной морфологии» Ф. Г. Фробениуса, концепция «культурных кругов» Ф. Гребнера и «культурно-историческая» школа В. Шмидта, диффузионистские идеи У. Х. Риверса, Г. Эллиота-Смита и У. Дж. Перри стремились описать историю человечества в понятиях контактов и диффузий, столкновений, заимствований и переносов элементов культур, отвергая идеи прогресса и эволюции в целом. По их мнению, культура распространилась из одного центра (на который претендуют вземные цивилизации Созвездия Малого Пса, Ориона, Нибиру, Марса, земные протоцивилизации и государства Лемурия и Атлантида, Гибберборея, Шумер и Египет и т. д.) на весь мир (монистическая модель). Другой подход, представленный эволюционизмом и плюралистической моделью (работы Ф. Клемма, Э. Тейлора, Г. Спенсера, Л. Моргана, Дж. Фрейзера, Дж. Ф. Мак-Леннана, Дж. Леббока), отмечает сходство и / или тождество национально-исторических путей разных этносов и народностей,

рассматривая историю как сумму независимых эволюций отдельных элементов культуры и социальных отношений. Интересные подходы даны в школах и исследованиях А. Т. Фоменко, В. Хлебникова, Н. Кондратьева и П. Сорокина, А. Тойнби, О. Шпенглера, многих других мыслителей: это теории циклического повторения истории («исторический циклизм») и «наложенный» разных исторических пластов друг на друга. Теориям цикличности противостоят теории модернизации (Г. Гегель и др.), которые в итоге сходятся в «спиральных» теориях эволюции человечества. На индивидуальном и групповом уровнях также описан целый ряд процессов, в том числе инкультурация и энкультурация, аккультурация, ассимиляция (Дж. Берри, Р. Билз, Р. Линтон, Р. Редфилд, Р. Турнвальд, и М. Херсковиц), отражающих свободное или направленное взаимодействие культур, в том числе на примере отдельных регионов (Дж. Фостер, Дж. Фелан и др.) [5]. Культурные заимствования при этом рассматриваются как отрицательное (ассимиляции и апроприации как заимствования в «колониальной манере», без учета мнения о результате заимствования со стороны культуры-донора) или положительное явление (культурное заимствование как условие повышения качества жизни перенимающей стороны, ее адаптации к изменившимся обстоятельствам жизнедеятельности), в том числе в зависимости от того, насколько «равновесны» обменивающиеся группы и насколько взаимодействующие культуры вовлечены или не вовлечены в исторический, этнический или расовый конфликт, противостояние. Апроприация как «колониальное заимствование» связана с тем, что фрагмент культуры, языка заимствуется, присваивается без учета сакральности и смысла заимствованного компонента культуры для ее носителей, происходит сведение заимствования к «экзотическому тренду», моде меркантилизации и ненадлежащей культурной интерпретации и т. д. Однако есть и иной, противоположный эффект: эффект пиццы (пицца-эффект — pizza effect — Л. Фишера и А. Бхарати, который гласит, что составляющие культуры какой-либо нации или народа, оказавшись в иной этнокультурной или социально-экономической среде, трансформируют материнскую культуру в гораздо более важную для нации [6; 7]. То есть «осваивающая культура» повышает ценность фрагмента «материнской культуры» и влияет на культурную самоидентификацию. Й. Боруп отметил наличие «перевернутого эффекта пиццы»: «присваивающая» культура трансформирует часть «материнской» культуры и наслаждается результатом трансформаций, полагая, что эти результаты принадлежат «материнской» культуре [8, р. 477]. Часто используется понятие Ф. Ортиса «транскультурация». Оно отражает стремление людей

и этносов разрешать конфликты постепенно и по частям, не усугубляя их эскалацией [9]. В эпоху цифровой культуры, а также общей глобализации наблюдается рост проницаемости между культурами и увеличение более или менее массовых миграций, приводящих к «этноконвергенции», а также гомогенизации и культурным компромиссам [10; 11; 12].

Согласно работам Т. Ф. Кузнецовой и ряда иных исследователей, рассмотревших наиболее известные теории взаимодействия культур (Н. Я. Данилевского, А. Дж. Тойнби, П. А. Сорокина, С. Хантингтона), можно выделить ряд пересекающихся ненасильственных типов межкультурных отношений [13; 14; 15]:

1) по линии культурных «трансгеографических» ориентаций — вестернизация или колонизация (европеизация и американизация), овосточивание культур, существование и формирование «третьих культур» и взаимодействие с ними;

2) по линии модернизации и слияния культур и производства — модернизация, глобализация как мондиализация и креолизация / транскультурализация.

Все эти процессы взаимного влияния культур характеризуются определенным соотношением насилия и ненасиления [16; 2].

Вестернизация, как процесс выражено насильственный, колониалистический, предполагает перенос элементов западной культуры в другую культуру, сопровождающийся подрывом традиционных основ последней («глокализация» как явление, сметающее иные культуры и распространяющее западные институты по всему миру по Э. Гидденсу, «пересадка» — перенесение культур с одного места на другое посредством колонизации и «прививка» — развитие новой культуры за счет основной в концепции Н. Я. Данилевского) [17; 18]. Овосточивание культур — влияние культур Востока на культуру Запада, долгое время в XX веке было неагрессивным, в другие века — проникновение восточной культуры шло вместе с завоеваниями, по мере успешности или неуспешности таковых. Такое взаимодействие представляется в целом ненасильственным, в силу незначительного масштаба и изменчивости влияния: проявляется в стилях моды, художественной культуры, в интересе к научным, образовательным взглядам и культурным доктринам и искусству незападных ученых, писателей, художников и т. д. Однако активные действия многих стран Востока на мировой арене (Китай, Индия, Корея, Турция) и массовые миграции из стран цветных революций в начале нынешнего века и превратили «третьи» страны в конкурентов «первых», а «беженцев» — в захватчиков: наступил культурный реванш колониализма, в том числе

связанный с привнесением ограничений и предписаний восточных культур в жизнь европейских народов. Интересно также наличие «третьих культур» по М. Фезерстоуну — или культурных «мостов», культур-маргиналов, культур-эклетик (транскультур), «пограничных цивилизаций», которые нельзя отнести ни к западной, ни к восточной (российская, латиноамериканская, африканская культуры). Взаимодействие с ними выступает продуктивным смешением своего и чужого, в большей степени ненасильственно. Их существование в целом ненасильственно в отношении влияния на соседние и собственные народы и сообщества.

Модернизация в теориях Н. Я. Данилевского — «вариант развития, совершенствования, накопления позитивных качественных изменений, которые связаны с ростом, накоплением количественных изменений (экономических, социальных, демографических, культурных и других)» как «благотворное воздействие более развитой цивилизации на менее развитую», при котором сохраняется самобытность последней (тип «почвенные удобрения»). У А. Дж. Тойнби — это взаимодействие по типу «вызов — ответ», при котором одна из цивилизаций создает для другой ситуацию уязвимости, а другая способна превратить это негативное влияние в стимул (тип «столкновение цивилизаций-современниц»). Согласно П. А. Сорокину — это тесное объединение разнородных, но находящихся в одном пространстве, элементов культуры, связанных не только этим пространством (тип «косвенная ассоциация под воздействием общего внешнего фактора»). С. Хантингтон пишет о преобладающем влиянии одной цивилизации на другие при сохранности исконно национальных ценностей и институтов (тип «взаимодействие и образование мультицивилизационных систем»). Модернизация не насильственна: направлена не на разрушение, а на преобразование культур [19; 1]. Э. Гидденс рассматривает глобализацию как продолжение модернизации: современности (modernity) внутренне присущи глобализация, интенсификация распространяющихся на весь мир социальных отношений, которые «связывают удаленные места (localities) таким образом, что локальные события формируются событиями, происходящими за много миль от них, и наоборот» [4, р. 64]. Глобализация трактуется двойственно [4; 1]. Например, в духе «захлавленного чердака» (П. Сорокин) или в духе максимальной смысловой (культурной) интеграции. Она также трактуется как мондиализация — принудительное объединение стран и формирование однополярного мира, в котором властвует государство с его правоохранительными институтами и мальтузианская, компрадорская буржуазия (ТНК — транснациональные корпорации), занимающаяся системным

геноцидом и отбором культур и наций, наращиванием систем управления сообществом и человеком, беспрепятственным и неограниченным вторжением в его жизнь (тотальное порабощение и насилие на всех уровнях жизни, формирование классов «людей-слуг» и «людей-господ», сценарий «матрицы»). Р. Робертсон выявляет две направленности глобализации: 1) глобальная институционализация жизненного мира, организация повседневных локальных взаимодействий и социализации непосредственным воздействием макроструктур мирового порядка (экспансия «общечеловеческих ценностей», распространение стандартных символов, эстетических и поведенческих образцов глобальными сетями СМИ и ТНК; 2) локализация глобальности [19, р. 15–17], тенденция становления глобального через локальное — через превращение взаимодействия с представителями иных государств и культур в рутинную практику, через включение в повседневную жизнь элементов инонациональных, «экзотических» локальных культур. Она не уменьшает разнообразие культур, а даже увеличивает его: возникает «глокализация» (по Р. Робертсону). Глобализация может выступать как «транслокализация», она обуславливает и де-локализацию, и ре-локализацию: соотносительность и взаимопроникновение глобального и локального, сочетание тенденций к гомогенности и к гетерогенности. А. Аппадурраи рассматривает глобализацию как детерриториализацию — утрату привязки социальных процессов к физическому пространству, становление транснациональных и диаспорных сфер публичной жизни людей, более или менее связанных с исходными территориально определенными публичными сферами соответствующих наций, но обладающих собственной и достаточно автономной динамикой [21, р. 301]. Креолизация или гибридизация — производство глобальных культур как «культурной смеси» (смешанные формы кооперации и развитие транслокальных культур) — представлена У. Ханнерцом, Дж. Фридманом и Я. Питерсом как один из основных процессов в глобализации. Развитие «глокальных» культур в условиях глобализации связано с тем, что они, будучи не привязаны ни к месту, ни ко времени, приходят к ре-локализации — в глобальных рамках по-новому открывают свои культурные особенности и/или настойчиво транслируют их через фундаменталистские движения и протесты. Это «смешанные времена» сосуществования предсовременности, современности и постсовременности. «Креолизация» У. Ханнерца особенно актуальна для мультикультурализма, предполагает культурное многообразие, базирующееся не на автономии культур, а на их связях: при «креолизации» речь идет не просто о «культурном плюрализме», а об «организованном культурном

многообразии» [6; 7; 1]. Таким образом, в работах самых разных, в том числе величайших представителей культуры и науки, встречаются попытки построения интегративных моделей и метамodelей межкультурных отношений. Отмечается множественность мотивов, последствий и вариантов взаимодействия внутри и между мультикультурными сообществами современности [16; 2].

Современный город — город активно и постоянно перемешивающихся культур, гибридных идентичностей. Сами стратегии такого смешения являются «гибридными», что говорит о начале нового этапа развития человечества, связанного в том числе с решением задач постижения «всеобщей человечности» и развития культуры как общего основания человеческого бытия.

Список основных источников

1. Jacobs, W. R. *Wider Frontiers-Question of War and Conflict in American History: The Strange Solution* by F. J. Turner / W. R. Jacobs // *California Historical Society Quarterly*. — California, 1968. — 236 p.
2. Соловьев, Е. В. Урбанизация и этногенез / Е. В. Соловьев // *Марийский юрид. вест.* — 2012. — № 9. — С. 74–81.
3. Nye, J. *Soft Power. The Means to Success in World Politics* / J. Nye. — New York, 2004. — P. 87.
4. Bennett, M. J. *A developmental Approach to Training for Intercultural Sensitivity* / M. J. Bennett // *Intercultural Journal of Intercultural Relations*. — 1986. — № 10(2). — P. 179–196.
5. Redfield, R. *Memorandum for the Study of Acculturation* / R. Redfield, R. Linton, M. J. Herskovits // *American Anthropologist*. — 1936. — Vol. 38, No. 1. — P. 149–152.
6. Bharati, A. *The Hindu Renaissance and its Apologetic Patterns* / A. Bharati // *The Journal of Asian Studies*. — 1970. — Vol. 29. — № 2. — P. 267–287.
7. Bharati, A. *Indian Expatriates in North America and Neo-Hindu Movements* / A. Bharati // *The Communication of Ideas* / J. S. Yadava, G. Vinayshil (eds.). — New Delhi : Concept Publishing Company, 1980. — P. 245–255.
8. Borup, J. *Zen and the Art of Inverting Orientalism: Religious Studies and Genealogical Networks* / J. Borup // *New Approches to the Study of Religion* / Eds. P. Antes, A. W. Geertz, and R. R. Warne. — Berlin : Verlag de Gruyter, 2004. — Vol. 1, *Regional, Critical, and Historical Approaches*. — P. 451–487.
9. Ortiz, F. *Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar* / F. Ortiz. — Durham, NC : Duke University Press, 1995. — 380 p.
10. *Aspects of Intercultural Dialogue. Theory. Research. Applications* / N. Aalto, E. Reuter (Hrsg.). — Köln : Saxa, 2007. — 380 p.
11. Thurnwald, R. *The Psychology of Acculturation* / R. Thurnwald // *American Anthropologist*. — 1932. — Vol. 34. — P. 557–569.

12. Ziff, B. Introduction to Cultural Appropriation: A Framework for Analysis / B. Ziff, P.V. Rao // *Borrowed Power: Essays on Cultural Appropriation*. — New Brunswick : New Jersey : Rutgers University Press, 1997. — 337 p.
13. Апресян, Р. Г. Политическая социология ненасилия Дж. Шарпа / Р. Г. Апресян // *Социальные конфликты: Экспертиза, прогнозирование, технология разрешения*. — Вып. 8. — М., 1995. — С. 234–246.
14. Вшивцева, Л. Н. Ненасилие в культуре современного российского общества : дис. ... канд. философских наук / Л. Н. Вшивцева. — Ставрополь : Ставроп. гос. ун-т, 2008. — 158 л.
15. Кузнецова, Т. Ф. Социокультурные взаимодействия и межкультурные коммуникации / Т. Ф. Кузнецова // *Философские науки*. — 2003. — № 5. — С. 129–135.
16. Мир / Реасе: Альтернативы войне от античности до конца Второй Мировой войны. Антология / отв. ред.: Ч. Лэтфилд, Р. М. Илюхина. — М. : Наука, 1993. — 349 с.
17. Albrow, M. *The global Age* / M. Albrow. — Stanford : Stanford University Press, 1997. — 246 p.
18. *Key Concepts in Political Geography* / C. Gallaher [et al.]. — London : SAGE, 2009.
19. Giddens, A. *The Consequences of Modernity* / A. Giddens. — Stanford : Stanford University Publ., 1990. — 188 p.
20. Robertson, R. *Mapping the Global Condition: Globalization as the Central Concept* / R. Robertson // *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity* / Ed. by M. Featherstone. — London, 1990. — 304 p.
21. Appadurai, A. *Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy* / A. Appadurai // *Global Culture* ; Ed. by M. Featherstone. — London, 1990. — 340 p.

Urbanization and ethnopsychology

Modern models of multicultural relations of people in the urban environment are becoming more complex and confusing. This is largely due to the fact that modern processes of urbanization are becoming increasingly ambiguous and multifaceted. Modern researchers working in the field of intercultural relations («communications») are actively building integrative models and metamodels to optimize the relationships between communities and people of different ethnic, national, religious, etc. groups. The need for such models and meta-models is due to the fact that the modern age is the age of multicultural communities, the most active migrations and the revival of the nomadic way of life in general.